
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 1 (495). С. 81–87.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(1(495):81-87.

Научная статья

УДК 111:168.5

doi: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-81-87

ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ НАУКОЙ? ИЛИ МЕТАФИЗИКА И НАУКА В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНА

Виктор Сергеевич Левицкий

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, victorsl2609@gmail.com,
0000-0001-9744-5345

Аннотация. Статья посвящена экспликации места метафизики в жизни отдельного человека и культуры в целом. В частности, предметом статьи является соотношение метафизики и науки в культуре модерна. Автор показывает, что сегодня существует две магистральные традиции понимания этого соотношения. Одна традиция, связанная с линией позитивизма (О. Конт, Венский кружок), настаивает, что с открытием научного метода метафизика стала избыточным культурным явлением. Вторая, восходящая к немецкому классическому идеализму (И. Кант, Ф. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель), считает, что метафизика есть основание всех частных наук. Соответственно, она принципиально неустранима как из системы наук, так и из культуры как таковой. В статье показано, что статус науки в культуре модерна постепенно менялся от уверенности в ее возможностях познания объективного мира (логические позитивисты), через демонстрацию онтологических и гносеологических границ научного знания (поздний Л. Витгенштейн, Р. Карнап, У. Куайн), к признанию науки близкой к мифу «формой жизни» (постпозитивизм). В связи с этим делается вывод, что наука не может претендовать на метатеоретический статус, соответственно не может быть имплицитной формой метафизики, актуальность которой не исчезла в связи с установлением господства научной рациональности. Соответственно, современный человек, как и многие поколения до него, продолжает оставаться обреченным на метафизику.

Ключевые слова: метафизика, онтология, наука, миф, рациональность, факт, модерн

Для цитирования: Левицкий В. С. Преодоление метафизики наукой? или Метафизика и наука в культуре модерна // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 1 (495). С. 81–87. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-81-87.

Original article

OVERCOMING METAPHYSICS BY SCIENCE? OR METAPHYSICS AND SCIENCE IN THE CULTURE OF MODERNITY

Victor S. Levytsky

Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia, victorsl2609@gmail.com, 0000-0001-9744-5345

Abstract. The article is devoted to the explication of the place of metaphysics in the life of an individual and culture as a whole, in particular the subject of the article is the relationship between metaphysics and science in the culture of Modernity. The author shows that today there are two main traditions of understanding this ratio. One tradition associated with the line of positivism (A. Comte, Vienna Circle) insists that with the discovery of the scientific method, metaphysics has become an excessive cultural phenomenon. The second, which goes back to German classical idealism (I. Kant, J. Fichte, F. Schelling, G. Hegel), believes that metaphysics is the foundation of all particular sciences. Accordingly, it is fundamentally irreducible both from the system of sciences and from culture as such. In article is shown that the status of science in the culture of Modernity gradually changed from confidence in its ability to know the objective world (logical positivists), through the demonstration of the ontological

© Левицкий В. С., 2025

and epistemological boundaries of scientific knowledge (late L. Wittgenstein, R. Carnap, W. Quine), to recognizing science as close to the “form of life” myth (post-positivism). In this regard, it is concluded that science cannot claim a metatheoretical status, and therefore cannot be an implicit form of metaphysics, the relevance of which has not disappeared. Accordingly modern man, like many generations before him, continues to be doomed to metaphysics.

Keywords: metaphysics, ontology, science, rationality, fact, modernity

For citation: Levytskyy VS. Overcoming Metaphysics by Science? or Metaphysics and Science in the Culture of Modernity. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2025;(1(495):81-87. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-81-87.

Постановка проблемы. Каждый человек рано или поздно, в той или иной степени, вынужден хотя бы на время становиться философом, вынужден задаваться философскими и даже метафизическими вопросами. Учитывая современное господство научной рациональности, часто приходится сталкиваться с мнением, что вопросы эти могут беспрепятственно быть решены наукой. Так ли это? Обладает ли наука подобным потенциалом?

Согласно теории научных революций Т. Куна, основным инициирующим явлением, заставляющим научное сообщество обратить взгляд на теорию и ее основания, выступают аномалии — факты, которые не могут быть адекватно этой теорией поняты и интерпретированы. В связи с этим наступает кризис, период «нормальной науки» сменяется «экстраординарной» стадией, финальным этапом которой становится смена научной парадигмы [1]. В эти моменты ученые не только работают над созданием новой теории, позволяющей объяснить аномалии, но также вынуждены поставить вопрос об основаниях самой теории, то есть покинуть научный дискурс и в конечном счете задаться философскими вопросами, предельным из которых является вопрос о том, что вообще существует. На это время ученый становится философом. Примерами могут служить рассуждения Э. Маха, А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга и др.

Но на самом деле, необходимость задавать такие вопросы оказывается куда более универсальной и не связана исключительно с научной деятельностью. Каждый раз сталкиваясь с какой-то «аномалией» в повседневной жизни человек вынужден приостановить бег обыденности и задаться вопросом о природе происходящего. Чем более значительна «аномалия», тем более общего и абстрактного вопрошания она требует, в пределе становясь аристотелевским вопросом «что есть сущее как сущее?» или шеллинговским «почему вообще что-то есть?». Особенно остро такие вопросы встают во времена смены культурных эпох, когда существующие ответы перестают удовлетворять, уходя в прошлое вместе

с основанной на них картиной мира и комплексом устоявшихся социальных практик.

Наша ситуация, с присущими ей глобальным экологическим кризисом, угрозой применения оружия массового уничтожения, все более усугубляющимся отчуждением человека и т. д., перманентно вынуждает задаваться вопросами об ориентирах дальнейшего развития и их обосновании, о природе происходящего, о понимании мира, в котором мы живем. То есть в конечном счете требует поставить метафизические вопросы. При этом следует подчеркнуть, что от ответа на этот вопрос зависят ответы на все другие более частные вопросы. В этом отношении прав был М. Хайдеггер, когда писал, что «метафизика есть основное событие в человеческом бытии». [2, с. 42]. В связи с этим встает вопрос о том, в каком дискурсе подобные проблемы могут быть сформулированы и разрешены? Есть ли место метафизике в век научной рациональности?

Соответственно, целью данной статьи является прояснение соотношения метафизики и науки в культуре модерна и уточнение в связи с этим онтологического статуса научного знания.

Магистральные традиции концептуализации соотношения метафизики и науки

Вопрос о соотношении метафизики и науки стоит на повестке дня европейского интеллектуального сообщества с самого момента формирования науки Нового времени. Сегодня можно выделить как минимум две магистральные, и в значительной степени антагонистические, традиции осмысления взаимоотношения первой философии и естественнонаучного знания. Первая признает самодостаточность науки и ее онтологический статус, в связи с чем считает метафизическое знание избыточным и настаивает на его элиминации из культурного ареала, как анахронизма прошлых эпох. Символической фигурой этой традиции можно считать О. Конта, который писал: «...подъем положительной философии и падение философии теологической и метафизической определились чрезвычайно ясно, и наконец сделались настолько очевидными, что ныне

каждый понимающий дух времени наблюдатель не может не признать постоянного стремления человеческого ума к положительным наукам и бесповоротного отрицания тех бессмысленных доктрин и предварительных методов, которые были годны только для первых его проявлений» [3, с. 10]. В связи с этим французский мыслитель требует отказаться от исследований происхождения и назначения мира, и от поиска причин явлений. Тем самым вводится запрет на метафизику.

Вторая традиция, истоки которой уходят в глубину времен, но с новой силой начинают звучать в немецком классическом идеализме, настаивает, что метафизика придает цельность любым частным знаниям, без которой они не способны сделать даже первый шаг, задает горизонт смыслообразования и принципиально, в силу специфики своего предметного поля, не может быть заменена никакой иной сферой знания. Автор философской системы, которую он так же называет позитивной и считает, что именно она отражает реальное положение дел — Ф. Шеллинг высказывается на этот счет вполне однозначно: «Истинное понимание мира дает лишь правильная метафизика, которая потому только с давних пор носит звание царственной науки» [4, с. 31]. Эту мысль можно считать консолидирующей для данной традиции. Соответственно, только метафизике принадлежит привилегированное право предельных высказываний о мире (бытии).

Классические варианты преодоления метафизики наукой

За последние полтора столетия существовало достаточно вариантов преодоления метафизики, которая, по мнению ее ниспровергателей, должна быть преодолена и уступить место научной рациональности. В советской философии таким вариантом был диалектический материализм, родоначальниками которого выступили классики марксизма. Так Ф. Энгельс сводит полноту сущего к материи, считая ее характеристикой «вечность во времени, бесконечность в пространство...» [5, с. 49]. При этом, как указывает Н. Лобкович, Ф. Энгельс не замечает, что для доказательства этого положения он, по сути, использует теологическое доказательство бытия Бога, наиболее последовательно развитое Фомой Аквинским — так называемое доказательство от контингентности: если все может быть, и может не быть, значит должно быть нечто, что не может не быть [6, с. 229]. Фома называет его Богом, Энгельс — материей. Солидаризируясь и развивая эту мысль, другой классик марксиз-

ма — В. Ленин писал, что неизменно в этом случае только одно — «отражение человеческим сознанием независимо от него развивающегося внешнего мира» [7, с. 277]. В таком случае становится актуальным классический в таких ситуациях вопрос. Что есть материя кроме первичных и вторичных качеств, фиксируемых субъектом, то есть, что есть материя кроме «сгустка» субъективных ощущений? Тем не менее, очевидно, что наиболее адекватным способом познания этого «внешнего мира», согласно данной традиции, является наука, которая и призвана открыть все его тайны. Соответственно, теперь, чтобы получить ответы на онтологические вопросы, обращаться нужно к естественнонаучному знанию. Метафизика, в таком случае, изгоняется, как препятствующая истинному познанию форма ложного сознания. Философия, соответственно, превращается в комментарий к научному знанию, в лучшем случае становится его методологической основой.

Пожалуй, наиболее авторитетным вариантом преодоления метафизики в западной мысли этого периода был логический позитивизм. Воодушевленные последними достижениями науки, его представители считали, что не за горами тот момент, когда в ней не останется темных пятен, удастся провести демаркационную линию между наукой и ненаукой, тем самым понять и описать мироздание и его законы. Верили они, что теперь известен и метод, который позволит этого достичь: нужно провести логический анализ языка.

Основатель Венского кружка М. Шлик высказывается по этому поводу вполне однозначно. Он считает, что происходит решающий поворот в философии, который положит конец конфликту философских систем. Связано это с открытием методов, делающих это противостояние ненужным. Первым же, по мнению М. Шлика, «кто приблизился к решающему повороту, был Людвиг Витгенштейн (в его «Логико-философском трактате», 1922)» [8, с. 29]. В этой связи сам Л. Витгенштейн в «Трактате» пишет: «Совокупность всех существующих атомарных фактов есть мир» (2.04), а «Совокупность всех истинных мыслей есть образ мира» (3.01). Главная задача философии, состоящая в «критике языка», — отделить истинные предложения от ложных («Если элементарное предложение истинно, то атомарный факт существует; если элементарное предложение ложно, то атомарный факт не существует» (4.25)) и, таким образом, получить истинную модель (образ) мира [9]. Из языка нужно удалить все

метафизические и ненаучные категория, такие, например, как эфир, оставив в нем только категории, имеющие подтвержденную референцию, обладающие эмпирически подтвержденным значением. Это и будет способствовать истинному пониманию мира. Философия, таким образом, сводится к логике, которая путем анализа языка способствует «чистоте» языка науки.

При всем концептуальном и идеологическом различии этих двух вариантов преодоления метафизики, нельзя не заметить некоторых общих черт. Во-первых, общим базисом для них выступает философия эмпиризма, а статус научного знания имеет позитивистскую окраску. Во-вторых, несложно заметить, что они не свободны от ответов на метафизические вопросы, однако, используют для этого нелегитимные, для дискурса первой философии, подходы. Результатом чего становится квазиметафизика. В-третьих, и это, пожалуй, основная, но не так часто отмечаемая исследователями, особенность: на самом деле данные традиции не преодолевают метафизику, а сами занимают ее место. В результате получается, что формируется не новая культура, в которой нет места метафизике, а создается смысловое пространство, в котором роль метафизики начинает выполнять естествознание. В случае запрета на его критику, как в советском варианте, с потенциалом превращения в догматику.

Преодоление преодоления: постпозитивистская критика позитивизма

Вместе с тем достаточно быстро вскрылись сложности в реализации программы логического эмпиризма. Преследуя благие цели обоснования научного знания, сами представители Венского кружка обнаружили, что задачи, поставленные ими же, не могут быть решены в полной мере, а поступательное прояснение природы научной рациональности заставляет все больше сомневаться в ее универсальности, инвариантности и аподиктичности. Л. Витгенштейн откликнулся на это теорией языковых игр, в которой сама наука стала одной из них, значение же, считал он, связано не с указанием на независимый внешний предмет, а со способом употребления языкового выражения в языковой игре. Р. Карнап констатировал, что вопрос о существовании объекта (в том числе и научного) может быть только внутренним вопросом концептуального каркаса и теряет всяческий смысл вне его. В связи с чем показал, что эффективность языка науки не может быть подтверждением «существования мира вещей». У. Куайн подверг критике догмы эмпи-

ризма, обосновав невозможность редукции значения к внешним объектам: все, что существует для нас, существует как часть определенной концептуальной схемы. Соответственно, у нас принципиально нет доступа к «чистым фактам». «Мы можем, — пишет У. Куайн, — совершенствовать свою концептуальную схему, свою философию шаг за шагом, продолжая зависеть от нее как от опоры; но мы не можем отделить себя от нее и объективно сравнить ее с неконцептуализированной реальностью. Поэтому я считаю бессмысленным исследовать абсолютную корректность концептуальной схемы как зеркала реальности» [10, с. 121–122].

Так вера в фундаментальный базис позитивистской парадигмы — «чистый» эмпирический факт — была существенно девальвирована, а вопрос о пересмотре статуса научного знания встал со всей остротой. Сюда следует добавить, что была обоснована принципиальная теоретическая нагруженность фактов (Л. Флек), критически пересмотрена концепция кумулятивного развития научного знания (Т. Кун), показана важность, иногда определяющая, вненаучных факторов для развития науки (С. Шейпин, Д. Блур и др.) и т. д. Научная рациональность, которая еще совсем недавно выступала верховным трибуналом в эпистемологических спорах, сама оказалась перед судом разума. Консолидированным вердиктом в этом отношении можно считать заключение о статусе научного знания, которое К. Хьюбнер сформулировал в трех тезисах: «1. Не существует абсолютных фактов или абсолютных фундаментальных установлений, на которые могла бы опереться наука. 2. Нет также и необходимых оснований для утверждения о том, что наука в своем развитии непрерывно улучшает и дополняет представление о неизменных, имеющих одно и то же эмпирическое содержание объектах. 3. Нет оснований полагать, что наука в ходе своего исторического движения подходит все ближе к некоей абсолютной, свободной от теоретической нагруженности, истине...» [11, с. 159].

Такая тематизация научного знания символизировала собой переход от позитивистской парадигмы в философии науки к постпозитивистской. Однако вопросы на этом не закончились, а можно сказать, что только начинались. Если наука не является «зеркалом реальности», дающим истинное представление о ней, как в это верили позитивисты, то что есть наука? Еще Э. Кассирер называл ее «символической формой», Л. Витгенштейн считал, что это особая «языковая игра —

форма жизни», К. Хюбнер понимает под ней систему организации тотальности человеческого опыта, в основании которой лежит определенная онтология. В свою очередь, как считает немецкий философ: «Онтология есть рамки, в которых все данное чувственно воспринимается, духовно толкуется, обрабатывается, расчленяется, формируется; она представляет собой нечто вроде координатной системы, в которой все упорядочивается» [12, с. 120]. Понятно, что онтология предшествует опыту и выступает способом его организации: любой эмпирический факт может появиться только в рамках какой-то онтологии.

Важно также отметить, что онтология науки, согласно концепции К. Хюбнера, лежит в основании научного знания и практического действия, на нем основанного, в то время как фундаментом, например, мифа является онтология мифа. То есть наука и миф в равной степени являются системами знаний детерминированными собственными онтологиями. Их сравнение через редукцию к «независимой реальности» невозможно в силу отсутствия таковой — сравнивать можно только онтологии. Таким образом наука из некогда универсальной познавательной деятельности превратилась в исторический тип рациональности. Эту мысль емко выразил И. Т. Касавин: «Миф и наука являются равно состоятельными основами *исторических* типов мировоззрений, и хотя мировоззрения *различны*, они в каждую эпоху предоставляли определенную онтологию, являясь критериями истины, моральности, красоты, справедливости» [13, с. 132].

Что все это значит в контексте данного исследования и культуры в целом? Можно сказать, что в результате исследований постпозитивистов, стало окончательно понятно, что наука изучает лишь инструментально обработанный сегмент феноменальной реальности, который сформирован на основе исторически сложившейся аксиоматики (онтологии) и о сущем в целом, тем более о бытии сказать не может ничего. Наука никак не может способствовать прояснению онтологических, а тем более метафизических вопросов.

Преодоление науки метафизикой

В такой ретроспективе становится понятным ответ на вопрос, поставленный в начале статьи, о соотношении метафизики и научного знания. Сегодня наука может решать очень широкий спектр практических задач (правда, неминуемо порождая и новые), но она принципиально неспособна прояснить метафизические проблемы. Нельзя средствами дисциплинарной онтологии

решить метафизические вопросы. Наука никак не может прояснить вопрос о бытии, так как сама начинает с априорного допущения определенного порядка бытия. Т. Кун писал, что любое научное исследование может начаться только после того, как уже есть ответы на вопросы о том, каковы сущности, из которых состоит универсум, какова природа их взаимодействия, каковы легитимные вопросы относительно этих сущностей и др. [1, с. 21–22]. Очевидно, что в рамках самой науки ответы на них найдены быть не могут. Науке предшествует определенная метафизика, которая и задает те концептуальные рамки, в которых она потом развивается. Эту роль метафизики в структуре научного знания отмечал А. Бахм, когда писал, что ответы на метафизические вопросы являются неизбежной предпосылкой любых вопросов и ответов специальных наук [14]. Раньше подобное понимание соотношения метафизического и научного знания отстаивал Р. Дж. Коллингвуд, называя метафизику «наукой об абсолютных предпосылках» [15]. Именно с такой парадигмальной функцией метафизики М. Вартофский связывает ее эвристическую роль в науке: «...метафизика представляет собой наиболее общий метод критического и систематического формирования альтернативных концептуальных структур, только в рамках которых возможно теоретическое познание...» [16, с. 44]. Наука исследует предметно выделенный сегмент сущего, но о бытии не знает ничего. Попытки подменить метафизические системы частнонаучным знанием плохо сказываются как на первых, так и на втором. Результат такого замещения очень четко выразил В. В. Миронов: «Философ, который отказывается от метафизичности в своих размышлениях, заведомо обречен на имитацию философского подхода и плетется в хвосте той или иной науки, пытаясь подражать ей, чаще всего на уровне терминологии, которая некритично переносится в философскую сферу» [17, с. 31].

В свою очередь задачей метафизики является наиболее общее доступное человеку осмысление бытия и поиск его начал. Соответственно, метафизика задает предельный смысловой горизонт культуры, под сигнатурой которого обретают осмысленность все другие культурные уровни. В этом отношении следует согласиться с В. А. Лекторским, который в отношении философии в целом пишет, что она «всегда занималась не просто анализом очевидностей здравого смысла, но выявлением предельных оснований познания и деятельности. Она пыталась критически оценить

повседневный мир и выйти за пределы принятых культурных стереотипов, создавая новые способы интеллектуальной и практической деятельности» [18, с. 15].

Выводы

Таким образом, можно сформулировать несколько резюмирующих положений. Во-первых, наука не является «зеркалом реальности», обеспечивая доступ к наиболее фундаментальным ее

слоям, а выступает историческим типом рациональности. Во-вторых, становится очевидным, что в крайнем случае наука подменяет собой метафизику, превращаясь таким образом в квази-метафизику, а не элиминирует ее (метафизику) из культуры. Соответственно, в-третьих, пока мы остаемся рациональными существами — мы обречены на метафизику и никакое иное знание не может занять ее место.

Список источников

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проект, 2007. 303 с.
3. Конт О. Курс положительной философии в 6 т. Т. 1. СПб.: Посредник, 1900. 302 с.
4. Шеллинг Ф. В. Й. Позитивная философия. В трех томах. Том 2. Философия откровения. СПб.: Издательский проект «Quadrivium», 2015. 768 с.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 5–342
6. Лобковиц Н. Заметки о религии, теологии и религиоведении // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 217–231.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. 525 с.
8. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 28–33.
9. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон + «Реабилитация», 2017. 288 с.
10. Куайн У. В. О. Тожество, остенсия и гипостазирование // У. В. О. Куайн. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 103–123.
11. Хьюбнер К. Критика научного разума. М., 1994. 326 с.
12. Хьюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 114–126.
13. Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 560 с.
14. Bahm A. J. *Metaphysics: an introduction*. Albuquerque: World Books, 1974
15. Collingwood R.G. *An Essay on Metaphysics*. Oxford: The Clarendon Press, 1940
16. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 43–111
17. Миронов В. В. Метафизика не умирает // Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М.: Проспект, 2020. С. 13–34.
18. Лекторский В. А. Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 5-17

References

1. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions] Moscow: Progress. 1977. 300 p. (in Russ.).
2. Heidegger M. *Chto takoe metafizika?* [What is Metaphysics] Moscow: Akademicheskii proekt. 2007. 303 p. (in Russ.).
3. Comte A. *Kurs polozhitel'noy filosofii v 6 t. T. 1* [A Course of Positive Philosophy in 6 volumes. V. 1.] St. Petersburg: Posrednik. 1900. 302 p. (in Russ.).
4. Schelling FWJ. *Pozitivnaya filosofiya. V trekh tomakh. Tom 2. Filosofiya otkroveniia*. [Philosophy of Revelation] St. Petersburg: «Quadrivium». 2015. 768 p. (in Russ.).
5. Engels F. *Anti-Dyuring* [Anti-Dühring]. Marx K. Engles F. *Sochineniya*. [Marx K. Engles F. Works] Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1961. pp. 5-342. (in Russ.).

6. Lobkovits N. Zametki o religii, teologii i religiovedenii [Notes on Religion, Theology and Religious Studies]. Razum i ekzistentsiya: analiz nauchnykh i vnauchnykh form myshleniya [Mind and Existence: An Analysis of Scientific and Extrascientific Forms of Thinking] St. Petersburg: RKhGI Publ. 1999. pp. 217-231. (in Russ.).
7. Lenin VI. Polnoe sobranie sochineniy. T. 18. [Full Composition of Writings. Vol. 18] Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1968. 525 p. (in Russ.).
8. Schlick M. Povорот v filosofii [Turn in Philosophy]. Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty [Analytic Philosophy: Selected Texts] Moscow: Izd-vo MGU. 1993. pp. 28-33. (in Russ.).
9. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus] Moscow: Kanon+ «Reabilitatsiya». 2017. 288 p. (in Russ.).
10. Quine WVO. Tozhdestvo, ostensiya i gipostazirovanie [Identity, Ostensia and Hypostasis]. S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskikh ocherkov [From a Logical Point of View] Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». 2010 pp. 103-123. (in Russ.).
11. Hubner K. Kritika nauchnogo razuma [Critique of the Scientific Reason]. Moscow. 1994. 326 p. (in Russ.).
12. Hubner K. Progress ot mifa cherez logos k nauke kak teoretiko-poznavatel'naya problema [Progress from Myth Through Logos to Science as an Epistemological Problem]. Razum i ekzistentsiya: analiz nauchnykh i vnauchnykh form myshleniya [Mind and Existence: An Analysis of Scientific and Extrascientific Forms of Thinking] St. Petersburg: RKhGI. 1999. pp. 114-126. (in Russ.).
13. Kasavin IT. Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nye i prikladnye problem [Social Epistemology. Fundamental and Applied Problems] Moscow: Al'fa-M. 2013. 560 p. (in Russ.).
14. Bahm AJ. Metaphysics: an introduction. Albuquerque: World Books. 1974.
15. Collingwood RG. An Essay on Metaphysics. Oxford: The Clarendon Press. 1940.
16. Wartofsky M. Evristicheskaya rol' metafiziki v nauke [The Heuristic Role of Metaphysics in Science]. Struktura i razvitie nauki [Structure and Development of Science] Moscow: Progress. 1978. pp. 43-111. (in Russ.).
17. Mironov VV. "Metafizika ne umiraet" ["Metaphysics Does not Die"] in Metafizika ne umiraet: izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'yu [Metaphysics Does not Die: Selected Articles, Speeches and Interviews] Moscow: Prospekt. 2020. pp. 13-34. (in Russ.).
18. Lektorsky VA. Filosofiya pered litsom kognitivnykh issledovaniy [Philosophy in the Face of Cognitive Research] *Voprosy filosofii*. 2021;(10):5-17. (in Russ.).

Информация об авторе

Левицкий В. С. — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории.

Information about the author

V. S. Levytsky — Doctor of Philosophy Sciences, Professor of Department of the Social Philosophy and Philosophy of History.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 20.01.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.